

АРХИВ

УДК 168.522+340.113.1
DOI: 10.17223/1998863X/40/27

В.В. Оглезнев, В.А. Суровцев

ПИТЕР ГИЧ ОБ АСКРИПТИВИЗМЕ¹

Рассматриваются критические аргументы Питера Гича относительно теорий недескриптивных перформативов, а именно, против аскриптивизма, представленного в работе Герберта Харта. Показано, что критика аскриптивизма Гича основана на идее Фреге о различении простой констатации мысли и признании выраженной предложением мысли в качестве истинной. В приложении в переводе на русский язык помещена работа П. Гича «Аскриптивизм».

Ключевые слова: аскриптивизм, дескриптивизм, каузальность, утверждение, П. Гич, Г. Харт.

Питер Гич в статье под названием «Ascriptivism» [1], перевод на русский язык которой приведен ниже, сформулировал аргументы против так называемых теорий недескриптивных перформативов, а именно, против того, что он назвал «аскриптивизмом». Подобного рода теории основаны, по мнению Гича, на отрицании такого важного тезиса, что высказывание о том, что действие x было добровольным или намеренным, считается каузальным высказыванием, согласно которому x было вызвано неким действием агента A , принявшего решение совершить x . Попытку отвергнуть эту «естественную точку зрения» предприняли «некоторые философы из Оксфорда», которых он называет «аскриптивистами». В ответ Гич разрабатывает критическую концепцию, разъясняющую и опровергающую аскриптивизм, основные положения которой основательно изложены в статье «Assertion» [2], где им уже ставится под сомнение любая некогнитивистская этическая теория при помощи своего основного утверждения, что «мысль имеет одно и то же содержание в независимости от того, принимаем ли мы ее истинность или же нет; суждение может встречаться в дискурсе как в качестве утверждения, так и в другом качестве, но при этом оставаться тем же самым суждением» [2. С. 449]. Это изречение Гича впоследствии стало классической формулировкой так называемой проблемы Фреге – Гича², которая из частной логико-лингвистической

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (проект № МД-4664.2016.6) и Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

² В научной литературе можно обнаружить самые разнообразные формулировки этой проблемы. Но наиболее удачным, пожалуй, является подход М. Шредера: «Проблема Фреге – Гича есть, по сути, проблема о том, как моральные и дескриптивные термины могут обладать одними и теми же семантическими свойствами в сложных предложениях, даже тогда, когда они имеют разные значения» [4. С. 704–705]. Иными словами, если моральные (или любые недескриптивные) суждения используются при осуществлении логического вывода, то они, непременно, должны быть истинными или ложными, но моральные суждения не являются ни истинными, ни ложными, следовательно, они не могут использоваться при осуществлении вывода, не нарушая законов логики.

проблемы превратилась в фундаментальную теоретико-методологическую установку современной аналитической философии [3. С. 40].

Несмотря на то, что основные критические замечания Гича к теории не-дескриптивных перформативов в более развернутом виде представлены в статье «Assertion», нас все же интересует статья «Ascriptivism», поскольку именно здесь Гич излагает свои аргументы против прескриптивизма (заменяя его термином «аскриптивизм»). Основным объектом его критики, по-видимому, стали положения статьи Герберта Харта «Приписывание ответственности и прав» [5. С. 27–52]. Хотя в работах Гича нет отсылок к Харту, сам Харт признал, что речь идет именно о нем¹. Стоит отметить, что критика Гича была воспринята Хартом достаточно серьезно, вот что писал он по этому поводу: «В статье [“Приписывание ответственности и прав”. – *Прим. пер.*] были некоторые весьма интересные и верные мысли, но, думаю, были и определенные ошибки. Я утверждал, что суждение, что человек совершил действие, не является дескрипцией, но аскрипцией, скажем, в смысле способа утверждения его ответственности. Теперь же я так не считаю» [8. С. 276]. На основании этих кратких комментариев достаточно сложно сделать вывод, от каких именно положений аскриптивизма Харт оказался, и отказался ли он от них вообще. Как верно отмечает С.Н. Касаткин, «отречение автора [Харта] имеет весьма лапидарную форму. Оно выражается буквально в паре предложений <...> без упоминания конкретных тезисов, полагаемых им некорректными, разбора критических замечаний, объяснения собственных мотивов и т.п. Все это оставляет открытым целый ряд вопросов (об основаниях, содержании отказа и пр.), а также некоторые сомнения в его “подлинности”» [9. С. 279]. Действительно, что стало истинной причиной отречения от неразработанной до конца концепции, к сожалению, неизвестно. Возможно, это – яростная критика, которая обрушилась на Харта со стороны, прежде всего, философского сообщества и которая вынудила его ретироваться, оставив оппонентов без основательных комментариев о причинах и сути «отказа» [10. С. 8]. Весьма интересной, хотя и не бесспорной, является точка зрения С.Н. Касаткина о том, что «вполне оправданной будет ограничительная трактовка “самоотречения” Харта, т.е. гипотеза о сохранении им верности тем или иным, в том числе базовым, положениям концепции 1949 года» [9. С. 281]. Как бы то ни было, мы оставим в стороне этот экзегетический вопрос. На наш взгляд, дело как раз не в том, от чего именно отказался (и отказался ли вообще) Харт, а в том, что вынудило его это сделать; какие критические аргументы оппонентов он посчитал «оправданными и обоснованными». Наша версия причин «самоотречения» как реакции на критику, а также анализ конкретных критических аргументов «основных» оппонентов Харта представлены в других наших работах [11. С. 67–88], где утверждается, что позиции критиков основаны на неправильном понимании аскриптивной концепции Харта или отдельных ее положений. Здесь же мы хотим рассмотреть суть аргументов Гича, т.е. представить их не через призму «неправильного

¹ Во введении к сборнику эссе «Punishment and Responsibility. Essays in Philosophy of Law» Харт отмечает, что основные положения этой статьи теперь не кажутся ему столь верными и очевидными и что большая часть критических замечаний, сделанных по ее поводу, оправдана и обоснована [6. С. 6]. В качестве своих основных оппонентов Харт называет Питера Гича [1] и Джорджа Питчера [7].

понимания» идей Харта, но как независимую, автономную систему тезисов против аскриптивизма как такового. Более того, теория Гича, в отличие, например, от подхода Дж. Питчера [7], интересна еще и тем, что она атакует не отдельные положения аскриптивизма, но подрывает его эпистемологические и онтологические основания.

Этот подрыв основан на одном очень важном положении Г. Фреге, которое Гич использовал в своей аргументации (отсюда, собственно, и возникло название «проблема Фреге – Гича»). Суть этого положения в следующем: в рамках своей функциональной системы логики Фреге провел важное различие, которое в традиционной логике обычно игнорировалось. Под формой простого повествовательного предложения могут скрываться две совершенно разные вещи. Во-первых, это простая констатация мысли, которая выражена повествовательным предложением. Во-вторых, это признание выраженной предложением мысли в качестве истинной. Сама по себе констатация мысли не делает ее истинной, мысль в этом случае может вполне оказаться ложной. При констатации мысль просто соотносится с истинностными значениями, в качестве которых выступают истина и ложь, но ничего не говорится о том, какое именно из этих двух значений приписывается мысли. Совсем иное дело, когда мы высказываем суждение, т.е. переходим к утверждению истинности мысли, связывая ее с одним определенным значением. Просто констатировать мысль и признать ее за истинную – это два совершенно различных предприятия. Для отличия простой констатации от утверждения истинности мысли Фреге даже вводит в свою формальную систему особый знак суждения « \vdash », который может рассматриваться как предикат, общий всем высказанным с утвердительной силой предложениям, по типу префиксного выражения «истинно, что...» [12. С. 112–116].

Введение знака суждения основано не только на соображениях, связанных с формой выражения мысли. Важную роль знак суждения играет в структуре вывода. В качестве элементов вывода, как считает Фреге, могут использоваться только такие предложения, которые высказаны с утвердительной силой (т.е. соответствующая им мысль должна быть признана истинной), поскольку вывод заключается в вынесении суждений, осуществляемом на основе уже вынесенных суждений, согласно логическим законам. Каждая из посылок есть определенная мысль, признанная истинной; точно так же признается истинной определенная мысль в суждении, которое является заключением вывода. Последнее можно прояснить специальным случаем с правилом вывода *modus ponens*, которое Фреге в своей системе рассматривает в качестве основного способа получения следствий и которое иллюстрирует еще один аргумент в пользу введения в структуру вывода особой утвердительной силы, связанной с формой утверждения повествовательного предложения в естественном языке и знаком « \vdash » в символическом языке. С точки зрения Фреге, выделение особой утвердительной силы, выраженной в знаке суждения, позволяет предотвратить *petitio principii*, скрытое в форме условно-категорического умозаключения. Просто записав «Если *A*, то *B*; *A*. Следовательно, *B*», мы получаем *petitio principii*, поскольку заключение «*B*» уже явно присутствует в условной посылке «Если *A*, то *B*». Однако если в это умозаключение явно ввести знак « \vdash », то *petitio principii* не возникает. Действитель-

но, в умозаключении « \vdash Если A , то B ; $\vdash A$. Следовательно, $\vdash B$ » заключение в условной посылке не содержится, поскольку « $\vdash B$ » не совпадает с « B ». Это различие очень важно и для самих условных высказываний, поскольку для того, чтобы утверждать истинность всей условной посылки, не обязательно признавать за истинные ее антецедент или консеквент, достаточно их констатации. Антецедент вполне может оказаться ложным, и тогда, на основании свойств условной связи, вся посылка может быть признана истинной. Таким образом, условная связь простых констатаций отличается от признания за истинную самой условной связи.

На этой простой идее Фреге и основывает свою аргументацию Гич против аскриптивизма. Но что Гич подразумевает под аскриптивизмом? Почему он его смешивает с прескриптивизмом? И почему именно статья Харта оказалась объектом его критики? Действительно, в статье «Ascriptivism» нет упоминаний ни о Харте, ни о других сторонниках теории недескриптивных перформативов. Аскриптивисты, по мнению Гича, считают, что сказать, что действие x было добровольным со стороны агента A , значит не описать действие x как причинно обусловленное, но *приписать* его A , считать, что A ответствен за него. Более того, заявляют аскриптивисты, приписывание действия агенту не может противоречить объяснению того, как это действие совершено, поскольку научное объяснение *дескриптивно* по своему характеру, а *дескриптивный* язык находится в совершенно иной логической области, чем аскриптивный язык.

В основании аскриптивизма, по мнению Гича, лежат теории, которые и «обеспечивают его процветание», вроде тех, что сказать «То, что сказал судья, истинно» – значит не описать или охарактеризовать то, что сказал судья, но поддержать или подтвердить это. Гича не устраивает эта аргументация, поскольку здесь обнаруживается один «фундаментальный изъян», а именно, то, что в подобного рода теориях игнорируется различие между названием чего-то P и предикцированием P чему-то. Например, сказать «Если мучить кошку плохо, то и заставлять младшего брата мучить кошку тоже плохо» – означает утверждение, что и мучить кошку, и заставлять это делать младшего брата – «плохо». Обозначим предикат «плохо» как P . В этом высказывании P употребляется не как дескрипция, но как особого рода перформатив. Однако различие между тем, что мы *утверждаем* (или *называем*, по словам Гича) посредством P , и тем, что мы с помощью P *предикцируем*, часто упускается из вида. Теории недескриптивных перформативов, как правило, принимают во внимание лишь одно из возможных употреблений P , а именно, утверждение P . Это различие заключается в том, что с помощью P можно предикцировать что-то чему-то, но при этом не утверждать это посредством P .

В самом деле, если мы делаем упор на утверждении, то придется отказаться от *modus ponens*, поскольку он тогда будет содержать логическую ошибку. Например, в рассуждении:

Если делать определенную вещь плохо, то заставлять младшего брата делать ее плохо (в этой посылке «делать определенную вещь плохо» не утверждение).

Мучить кошку плохо (в этой посылке «мучить кошку плохо» – утверждение).
Ergo, заставлять младшего брата мучить кошку плохо.

Содержится двусмысленность утверждения, или логическая ошибка. Но *modus ponens* верен. Поэтому, по мнению Гича, следует обратиться не к утверждению, но к предикации, поскольку предикация имеет место даже там, где утверждения нет. Чтобы употребление предложения, в котором посредством *P* что-то предикруется, могло считаться актом утверждения *P*, оно должно употребляться утвердительно. Это весьма отличается от предикации, поскольку с помощью *P* можно предиковать что-то даже тогда, когда придаточное предложение, в котором это происходит, употребляется неутвердительно. Следовательно, *P*-утверждение должно быть объяснено только в терминах *P*-предикации, но не наоборот.

Основная суть его рассуждения состоит в том, «что термин “плохо” должен значить точно то же самое во всех четырех вхождениях... Но в большей посылке, говорящий (допустим, отец), конечно же, не высказывает никакого акта осуждения: с трудом можно понять его как просто осуждающего определенное действие» [2. С. 463–464]. Этим аргументом Гич иллюстрирует теоретическую несостоятельность определения значения недескриптивных терминов (на примере слова «плохо») через определенные акты высказывания или утверждения, так как в его представлении смысл лингвистического выражения не конституируется его высказыванием или утверждением, потому что существуют контексты, в которых термины входят на неутверждаемых позициях (к ним относятся вопросы, отрицания, выражения надежды или удивления, дизъюнктивные и конъюнктивные конструкции и т.д.). Подобного рода анализ, по мнению Гича, применим к любому типу недескриптивного дискурса. И результатом этого анализа становится утверждение, что если любые недескриптивные суждения используются при осуществлении логического вывода, то они, непременно, должны быть истинными или ложными, но недескриптивные суждения не являются ни истинными, ни ложными, следовательно, они не могут использоваться при осуществлении вывода, не нарушая законов логики. Более того, отмечает Гич, вхождение недескриптивного термина в условную и утвердительную посылки *modus ponens* должно иметь одинаковый смысл и подчиняться стандартным логическим правилам.

Это вынуждает его отвергнуть аскриптивизм и перейти к утверждению, что предложения формы «Это сделал он» (пример, часто используемый Хартом [5. С. 45, 47, 49–51]) – это не *аскрипция* или обвинение, но описание причины действия. Гич придерживается «естественной точки зрения», что приписывать человеку совершение действия – это каузальная дескрипция действия, представляющая собой наиболее распространенный пример каузальных утверждений. Этим самым он хочет показать, что приписывание действий необходимо *осуществлять* через производящую их причину. То есть каузальная связь между описанием и приписыванием выражается в установке, что для совершения действия необходимо соответствующее состояние сознания. Игнорирование этой связи (или интенциональной установки) значительно затрудняет наше объяснение и понимание таких терминов, как «намеренно», «нарочно», «умышленно» и проч.

Напротив, Харт обращает внимание на то, всегда ли ответственность связана с приписыванием действий (таких, как умышленное убийство), а не к тому, может ли ответственность быть связана с непреднамеренными актами.

Он как раз и предлагает примеры, показывающие, как непреднамеренность отменяет приписывание ответственности, но он не рассматривает непреднамеренность в качестве универсального средства, исключающего ответственность. Харт пишет: «Наше понятие действия <...> является социальным понятием и логически зависит от принятых правил поведения. По характеру оно существенным образом не дескриптивно, а аскриптивно; оно представляет собой отменяемое понятие, определяемое посредством исключений, а не посредством множества необходимых и достаточных условий, физических или же психологических [5. С. 47]. <...> Современная формула, согласно которой сказать, что действие добровольно, – значит сказать, что агент мог бы избежать его, если бы поступил как-то иначе, игнорирует разнородный характер наших критериев, уточняющих “Это сделал он”, когда мы употребляем слова вроде “случайно”, “по ошибке”, “по принуждению” и т.д., или просто избегает этого, оставляя значение протазиса “если бы он поступил иначе” совершенно смутным» [5. С. 49–50].

Также следует отметить, что Гич заблуждался, что аскриптивизм имеет много общего с прескриптивизмом и опровергает значение истинности суждений о правах и ответственности. Очевидно, что Харт был бы неправ, если бы он утверждал, что суждения формы «Это – мое» или «Это сделал он» не могли бы быть непосредственно истинными или ложными. Но поскольку основная задача таких суждений заключается в том, чтобы требовать или приписать право или ответственность, то это совершенно не препятствует тому, чтобы отдельные специфические случаи требования или приписывания могли бы быть верифицированы в качестве истинных или ложных. Мое утверждение, что «Этот автомобиль мой», было бы ложно, если фактически он принадлежал бы кому-то другому, а мое высказывание, что «Это сделал он», могло быть надлежащим исполнением обязанности говорить в суде только правду (в смысле ответственности за дачу ложных показаний). Харт этого не отрицает. Напротив, он допускает, что требования или обвинения могут быть опровергнуты фактами, на которых они основываются, и что они могут иметь непосредственное дескриптивное употребление [5. С. 49], но обращает наше внимание на более интересные случаи их употребления, где ситуация не столь определена, где возможно зафиксировать перформативный характер употребления аскриптивных правовых терминов и обнаружить противоречие между дескриптивными высказываниями, основная функция которых заключается в описании фактов совершения действия, и разъяснении права аскриптивными высказываниями.

Питер Гич

АСКРИПТИВИЗМ¹

Высказывание, что со стороны агента *A* действие *x* было добровольным, преднамеренным или совершенным намеренно и т.п., часто рассматривалось как каузальное высказывание о том, что *x* было вызвано неким действием

¹ Перевод с английского выполнен В.В. Оглезневым и В.А. Суровцевым по изданию: *Geach P.T. Ascriptivism // The Philosophical Review. 1960. Vol. 69, No. 2. P. 221–225.*

сознания *A*, что было действие чистой воли – волевой акт, или акт, посредством которого *A* настраивал себя или намеревался совершить *x*, и т.п. Недавно против такого типа анализа появились возражения. Утверждалось (по моему мнению, вполне справедливо), что попытки отождествить и охарактеризовать эти предполагаемые акты чистой воли всегда сталкиваются с непреодолимыми затруднениями. Чтобы избежать таких затруднений, некоторые философы из Оксфорда, которых я буду называть аскриптивистами, прибегли к отрицанию того, что назвать действие добровольным, намеренным и т.д. – значит утверждать какую-то разновидность каузального высказывания, а, на самом деле, любого высказывания вообще. В этой заметке я попытаюсь разъяснить и опровергнуть аскриптивизм.

Аскриптивисты считают, что сказать, что действие *x* было добровольным со стороны агента *A*, – значит не описать действие *x* как причинно обусловленное, но *приписать* его *A*, считать, что *A* ответствен за него. Считать человека ответственным – это моральная или квазиморальная установка; а поэтому, утверждают аскриптивисты, здесь, как и в случае моральных суждений, нет вопроса об истинности или ложности. Если *B* соглашается или не соглашается с тем, как *C* приписывает действие *A*, *B* сам занимает квазиморальную позицию по отношению к *A*. Факты могут подтверждать такую квазиморальную позицию или идти с ней вразрез, но никогда не могут *вынудить* нас ее принять. Кроме того, аскриптивисты сказали бы, здесь нет риска противоречия, поскольку приписывание действия какому-либо агенту никогда не может прийти в конфликт с научным объяснением того, как это действие возникло; ибо научный подход является *дескриптивным*, а *дескриптивный* язык – это совершенно иная логическая область, нежели *аскриптивный* язык. И хотя различение *дескриптивного* и *прескриптивного* языка не приобрело всемирной известности, аскриптивистская теория довольно модна, что вполне естественно для современных умонастроений.

В отношении сотен наших добровольных или намеренных действий на самом деле было бы нелепо с торжественностью, если не с мелодраматизмом, говорить об обвинении, оправдании, об освобождении от ответственности или о чем-то вроде похвалы или награды. Приписывание действия агенту *вообще-то* как раз и не подразумевает принятия квазиправовой или квазиморальной установки, и только плохая подборка примеров может заставить думать иначе. (Как говорил Витгенштейн, философия, посаженная на несбалансированную диету примеров, страдает от авитаминоза.)

И даже когда обвинение и порицание ставятся под сомнение, их все еще можно отличить от суждения, что то-то и то-то было добровольным действием. Есть дикие племена, где даже непреднамеренное убийство карается смертной казнью. В одном таком племени, как говорят, один туземец упал с кокосовой пальмы на другого туземца и сломал ему шею; брат покойного потребовал кровь за кровь. Вождь племени с соломоновой мудростью приказал виновнику встать под деревом, а требующему мести сказал: «Теперь ты залезай на дерево и упади на виновника так, чтобы сломать ему шею!». Это предложение не получило одобрения, и виновника освободили. И хотя брат покойного все еще мог думать, что виновника следует наказать, его реакция на предложенный способ возмездия показывает, что он так же хорошо, как и

мы, знает разницу между *добровольным* или *намеренным* падением с дерева так, чтобы сломать кому-то шею, и тем, что это случится с тобой. Несомненно, с точки зрения его морали эта разница не имеет значения (виновником смерти его брата все еще остается упавший на него человек), но это не показывает, что он не имеет представления об умысле или даже отличное от нашего понятие.

Я сказал, что аскриптивизм естественным образом процветает в нынешних умонастроениях; фактически, он сконструирован по образцу, общему с рядом современных философских теорий. Так, существует теория, утверждающая, что сказать «То, что сказал полицейский, верно» – значит не описывать или характеризовать то, что сказал полицейский, но поддержать его; и теория, утверждающая, что сказать «Напиваться плохо» – значит не описывать или характеризовать пьянство, но порицать его. На самом деле совсем несложно придумывать теории по этому образцу; вот еще одна, которая пришла мне в голову. Назвать человека счастливым – не значит охарактеризовать или описать его состояние; назвать блаженствующим (*macarizing*) человека (т.е. назвать его счастливым, а слова «блаженствовать» (*macarize*) и «блаженство» (*macarism*) есть в Оксфордском словаре английского языка) – это особое недескриптивное использование языка. Если мы рассмотрим такие типичные примеры блаженства, как Заповеди блаженства (*the Beatitudes*), или же поговорки вроде «счастливей, как невеста в солнечный день; счастливы, как смерть в дождливую погоду», мы, конечно, можем видеть, что эти предложения не выражают суждений. Каким неуместным и нелепым был ответ «Да, это верно», который получил один из моих друзей, когда произнес «Счастливы, как смерть в дождливую погоду» на похоронах в дождливый день! Огромной ошибкой утилитаристов было предполагать, что «наибольшее счастье для наибольшего числа людей» является дескриптивной характеристикой такого положения дел, к которому можно было бы стремиться. На самом деле «счастье» не является дескриптивным термином; говорить о счастье людей – значит называть их блаженствующими (*macarize*), а не описывать их состояние. Разумеется, «счастливый» имеет вторичную дескриптивную силу. В обществе, где блаженством в основном считается богатство, «счастливый» будет ассоциироваться с богатством, и тогда тот, чьи собственные стандарты блаженства отличаются от стандартов других, мог бы использовать «счастливый», так сказать, в кавычках, подразумевая: «То, что большинство считает счастьем, – это богатство». Держите, дарю эту идею тому, кому она понравится.

В этом общем образце философствования есть фундаментальный изъян. В каждом из случаев предпринимается попытка рассмотреть употребление относящегося к делу термина «Р» как предприятие какой-то иной природы, нежели описание. Но то, что постоянно игнорируется, так это различие между названием «Р» и предикцированием «Р». Термин «Р» может предикцироваться в *условном* предложении (после *если* или после *то*) или в элементах дизъюнктивного суждения, без использования при этом «Р» в качестве названия. Сказать «Если утверждение полицейского истинно, то водитель достиг скорости 60 миль в час» не значит *назвать* утверждение полицейского истинным; сказать «Если играть в азартные игры плохо, то и приглашать людей

играть в азартные игры плохо» не значит *назвать* азартные игры или приглашение в них играть «плохими». Теории же, опирающиеся на недескриптивное объяснение, как правило, принимают во внимание только такое употребление термина «Р», при котором нечто *называют* «Р». Например, корреспондентская теория истины рассматривает только такое употребление термина «истинный», при котором высказывание *называют* истинным, а теория порицаний, связанная с термином «плохой», рассматривает только такое его употребление, при котором нечто *называют* плохим; предикативные употребления терминов «истинный» и «плохой» в *условном* или в дизъюнктивном предложении просто игнорируются. Нельзя списывать со счетов, что такие употребления этих терминов требуют иного объяснения, нежели их употребление для того, чтобы *называть* истинным или плохим; ибо это подразумевало бы, что аргументы вида «если x истинно (если w плохо), то p ; но x истинно (w плохо); *ergo p*» содержат ошибку двусмысленности, тогда как на самом деле ясно, что они логически обоснованы.

В целом эта тема затемнялась стародавней путаницей относительно предикации, олицетворенной в фразах вроде «предикат *утверждается относительно субъекта*». Фреге показал необходимость в проведении абсолютного различия между предикацией и утверждением; здесь, как и везде, люди не усвоили из его работ то, что следовало бы усвоить. Для того чтобы употребление предложения, в котором «Р» предикцируется, могло рассматриваться как акт называния «Р», предложение должно использоваться утвердительно; а это – нечто, совершенно отличное от предикации, поскольку, как мы отмечали, «Р» может все еще предикцироваться даже в предложении, используемом неутвердительно в качестве придаточного, в рамках другого предложения. Следовательно, называние «Р» должно быть объяснено с точки зрения предикации «Р», а не другим кружным способом. Например, порицание чего-либо называнием этого «плохим» нужно объяснять через более общее понятие предикации «плохо», и такая предикация может быть осуществлена без какого-либо порицания. Например, даже если я со всей серьезностью высказываю предложение «Если играть в азартные игры плохо, то и приглашать людей играть в азартные игры тоже плохо», я тем самым не осуждаю ни азартные игры, ни приглашение в них поиграть, хотя и предикцирую «плохо» подобным действиям. Поэтому безнадежно пытаться объяснить употребление термина «плохой» с точки зрения недескриптивных актов порицания; и, я настаиваю, по равным причинам, что безнадежно пытаться объяснить употребление терминов «совершенно с определенной целью», «намеренно» и т.п. с точки зрения недескриптивных актов приписывания или вменения.

На этом основано мое отвержение аскриптивизма. Вместо этого я придерживаюсь естественной точки зрения, согласно которой приписывание действия агенту есть каузальное описание действия. На самом деле такие утверждения являются типичными случаями каузальных высказываний; обратите внимание на связь таких греческих слов, как $\alpha\tau\acute{\iota}\alpha$ («причина») и $\alpha\pi\tau\iota\omicron\varsigma$ («несущий ответственность»). Давайте вспомним предложенное Юмом определение воли: «Внутреннее впечатление, которое мы переживаем и сознаем, когда сознательно даем начало какому-нибудь новому движению нашего тела

или новой перцепции нашего духа»¹. Предложив это определение воли, Юм сосредоточивается на предполагаемом «внутреннем впечатлении» и имеет дело с каузальным отношением между этим и «новым движением» или «новой перцепцией» в том же стиле, как и с другими каузальными отношениями между последовательными событиями. Подобно кудеснику, Юм отвлекает наше внимание; он заставляет нас забыть слова «сознательно даем начало», которые являются необходимыми, если его определение должно быть, по меньшей мере, правдоподобно. Если бы Юм начал с высказывания: «Есть особое, характерное внутреннее впечатление, о котором мы иногда вспоминаем, возникающее в нас перед новой перцепцией или новым движением тела; мы называем это актом воли или волей», то его подход с самого начала выглядел бы сомнительно. Сказать, что мы *сознательно даем начало* движению духа или тела, – значит уже ввести понятие добровольности; «внутреннее впечатление» не нужно принимать в расчет, так или иначе оно является, по моему убеждению, мифом. Но без «внутреннего впечатления» подход Юма к причинности нельзя приспособить к добровольной причинности; без него у нас больше не будет *двух* видов событий, входящих в последовательность, но только в каждом случае *одно* событие, которому «мы сознательно даем начало» – слова, выражающие неюмианский вид причинности.

Для надлежащего объяснения добровольной причинности нам необходим надлежащий подход к причинности в целом; я далек от мысли, что могу такой предоставить. Чтобы развить такой подход надлежащим образом, потребовался бы сводный обзор методов и результатов строгих научных дисциплин, а это Гераклов труд, который превосходит мои силы; и его должен взять на себя человек, который лучше, чем я, видит сквозь туман, который напустил Юм. Здесь я только попытался придать смысл и исследовать неюмианские идеи причинности, анализируя добровольность, вместо того, чтобы бездумно отрицать, как поступают аскриптивисты, что добровольность является каузальным понятием.

Литература

1. Geach P. Ascriptivism // *Philosophical Review*. 1960. Vol. 69, No. 2. P. 221–225.
2. Geach P. Assertion // *Philosophical Review*. 1965. Vol. 74, No. 4. P. 449–465.
3. Оглезнев В.В. Проблема Фреге – Гича и аскриптивные высказывания // *Философия науки*. 2014. № 1(60). С. 39–52.
4. Schroeder M. What is the Frege-Geach Problem? // *Philosophy Compass*. 2008. Vol. 3/4. P. 703–720.
5. Харт Г.Л.А. *Философия и язык права* / пер. с англ.; под ред. В.В. Оглезнева и В.А. Суровцева, М.: Канон+, 2017.
6. Hart H.L.A. *Punishment and Responsibility. Essays in Philosophy of Law*. Oxford Clarendon Press, 1968.
7. Pitcher G. Hart on Action and Responsibility // *Philosophical Review*. 1960. Vol. 69, No. 2. P. 226–235.
8. Sugarman D. Hart Interviewed: H.L.A. Hart in Conversation with David Sugarman // *Journal of Law and Society*. 2005. Vol. 32, No. 2. P. 267–293.
9. Касаткин С.Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара: Самар. гуманит. акад., 2014.

¹ Цит. по: Юм Д. *Трактат о человеческой природе*. М.: Мысль, 1996. – *Прим. пер.*

10. Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012.

11. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия, юридический язык и философия права. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016.

12. Суровцев В.А. Примечания переводчика // Фреге Г. Логико-философские труды. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. С. 102–124.

Vitaly V. Ogleznev. Tomsk State University; Russian State University of Justice West-Siberian Branch (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: ogleznev82@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/40/27

Valeriy A. Surovtsev. Tomsk State University; Tomsk Scientific Center of Siberian Branch of Russian Academy of Science (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: surovtssev1964@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/40/27

PETER GEACH ON ASCRIPTIVISM

Key words: ascriptivism, descriptivism, causality, assertion, P. Geach, H. Hart

This article is concerned with critical arguments of Peter Geach against some theories of non-descriptive performances as they stated in his article “Ascriptivism”. Geach’s article launch a wholesale attack on these theories advanced by “some Oxford philosophers” whom he accuses of ignoring “the distinction between calling a thing ‘P’ and predicating ‘P’ of the thing”. In it, Geach provides a fairly detailed description of Frege’s arguments in relation to prescriptivism (replacing it with the term “ascriptivism”), set forth, in his opinion, in an article by Herbert Hart, “The Ascription of Responsibility and Rights”. Geach specifically targets Hart’s claim that sentences of the form “He did it” are not primarily descriptive but ascriptive of responsibility for actions. The translation into Russian P. Geach “Ascriptivism” is presented in appendix.

References

1. Geach, P. (1960) Ascriptivism. *Philosophical Review*. 69(2). pp. 221–225.
2. Geach, P. (1965) Assertion. *Philosophical Review*. 74(4). pp. 449–465.
3. Ogleznev, V.V. (2014) Problema Frege–Gicha i askriptivnye vyskazyvaniya [The problem of Frege–Geach and ascetic utterances]. *Filosofiya nauki*. 1(60). pp. 39–52.
4. Schroeder, M. (2008) What is the Frege–Geach Problem? *Philosophy Compass*. 3/4. pp. 703–720. DOI: 10.1111/j.1747-9991.2008.00155.x
5. Hart, H.L.A. (2017) *Filosofiya i yazyk prava* [Philosophy and Language of Law]. Translated from English by V.V. Ogleznev, V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+.
6. Hart, H.L.A. (1968) *Punishment and Responsibility. Essays in Philosophy of Law*. Oxford: Clarendon Press.
7. Pitcher, G. (1960) Hart on Action and Responsibility. *Philosophical Review*. 69(2). pp. 226–235.
8. Sugarman, D. (2005) Hart Interviewed: H.L.A. Hart in Conversation with David Sugarman. *Journal of Law and Society*. 32(2). pp. 267–293. DOI: 10.1111/j.1467-6478.2005.00324.x
9. Kasatkin, S.N. (2014) *Kak opredelyat' sotsial'nye ponyatiya? Kontseptsiya askriptivizma i otmenyaemosti yuridicheskogo yazyka Gerberta Kharta* [How to define social concepts? The concept of asceticism and the cancellation of the legal language of Herbert Hart]. Samara: Samara Academy for Humanities.
10. Ogleznev, V.V. (2012) *G.L.A. Khart i formirovanie analiticheskoy filosofii prava* [H.L.A. Hart and the formation of analytical philosophy of law]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. (2016) *Analiticheskaya filosofiya, yuridicheskiy yazyk i filosofiya prava* [Analytical philosophy, legal language and the philosophy of law]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Surovtsev, V.A. (2008) Primechaniya perevodchika [Translator's Notes]. In: Frege, G. *Logiko-filosofskie trudy* [Logical-philosophical works]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo. pp. 102–124.